

Айнский компонент в этногенезе тунгусо-маньчжуров Нижнего Амура

Марина Викторовна Осипова,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры английского языка факульте-
та восточных языков ДВГГУ, Хабаровск.
E-mail: ainu2005@rambler.ru

В статье предпринимается попытка на основе полевых материалов автора и источников этнографической литературы прошлого века осветить вопрос родственных связей айнов-переселенцев с о-ва Сахалин, Курил и народов Нижнего Амура.

Ключевые слова: айны, аборигены Нижнего Амура, этногенетические связи, потомки.

Ainu Component in the Ethno-genesis of the Tungus-Manchurians from the Lower Amur.
Marina V. Osipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, English Dept., Faculty of Oriental Languages, FESHU.

The author attempts to highlight the ties of Ainu settlers from the Sakhalin and Kuril islands with the peoples of the Lower Amur based on her own field-work data and the resources from ethnographic literature of the last century.

Key words: Ainu, native people of the Lower Amur, ethno-genetic relations, succeeding generation.

Дальний Восток с древних времён являлся колыбелью культуры многих племён и народов: тунгусо-маньчжуров, палеоазиатов, монголов. Ещё в верхнем палеолите отмечены многочисленные миграции на побережье Тихого океана, что в дальнейшем сказалось на решении проблемы определения времени и места происхождения этих народов, путей расселения и их отношений с соседними этническими группами Азии и Америки [2, с. 69]. Цель статьи — собрать воедино имеющиеся на сегодняшний день этнографические сведения, насколько тесны родственные связи айнов Сахалина и Курил и тунгусо-маньчжуров Амура, дополнив и уточнив их материалами полевых исследований автора.

Вопрос родства айнов и аборигенов Нижнего Амура не остаётся без внимания отечественных и зарубежных учёных на протяжении трёх столетий. Достаточно назвать такие имена сибиреведов, как Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, А.М. Золотарёв, А.В. Смоляк, И. Накамура, внёсших значительный вклад в освещение этой проблемы. Исследуя краниологический материал, хранящийся в Музее антропологии и этнографии, на предмет происхождения айнов, антрополог Т.А. Трофимова (1905—1986)

в 1932 г. высказала предположение о «весьма вероятной примеси айнского типа» у нивхов [23, с. 97]. В 1949 г. эту мысль подтвердил М.Г. Левин (1904—1963). В своём отчёте по итогам работы Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедиции он указывает на присутствие айнского типа в антропологических данных нивхов Амура. Это позволило ему выдвинуть предположение, что в формировании родов нижеамурских аборигенов непосредственное участие приняли айны Сахалина, Курил и Хоккайдо [15, с. 26]. Г.Ф. Дебец (1905—1969) в статье «Ульчи» придерживается этого же мнения в отношении нижеамурских ульчей [12, с. 64]. Отдельные упоминания об айнском компоненте в этногенезе амурских народов имеются в трудах В.К. Арсеньева, Ч.М. Таксами, В.Г. Ларькина, Е.П. Лебедевой и В.А. Аврорина. Однако более или менее прояснёнными остаются лишь родственные связи айнов и ульчей, а об айнах с нивхами и нанайцами имеются лишь отрывочные сведения начала XX в.¹

Первым о присутствии айнов на амурской земле сообщил японский путешественник и картограф Мамия Риндзо (1775—1844) в своих записках «北蝦夷圖繪 (Kita Ezo zusetu)». Согласно его сведениям в середине XIX в. на территории Приамурья в семьях нивхов и ульчей можно было встретить жителей юга Сахалина [25]. Ссылки на эти данные впервые появились в капитальном труде российского этнографа Л.И. Шренка (1826—1894) «Об инородцах Амурского края».

Путешественники и исследователи XIX в., побывав в низовьях Амура, стали свидетелями родственных, торговых и культурных связей нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев, эвенков Приамурья с айнами, нивхами и уйльта Сахалина. Аборигены Амура выезжали на промысел пушного зверя на остров, островитяне, в свою очередь, привозили товары на материк — на большую ярмарку в районе оз. Кизи. Морской офицер, участник экспедиции Невельского Н.К. Бошняк (1830—1899) в своих записках рассказал, каким образом жители Сахалина попадали с острова на Нижний Амур: «Туземцы пользуются этой речкой (Таба. — М.О.) для перехода с моря на озеро Кызы и оттуда на Амур. Для этой цели с морского берега на речку Таба устроена просека и положены лежни на расстоянии $1\frac{3}{4}$ версты, по которым туземцы перетаскивают лодки...» [7, с. 128]. Ему вторит Р.К. Маак, описывая этот путь в своей книге «Путешествие на Амур»: «От места Музи-бок, лежащего при море, сахалинские айно и приморские жители местности Санда (вероятно, орочи, населяющие в настоящее время эту местность) тащили свои лодки по суше до речки Табаматзи, потом спускались по ней в лодках в озеро Кици-хога и уже озером достигали Амура» [16, с. 216]. Помимо чисто практических целей люди осуществляли и свои матримониальные планы. Торговцы с Нижнего Амура, приезжая по делам на Сахалин, надолго оставались там, живя в качестве гостей в айнских семьях. Поэтому они имели возможность присмотреть себе жену и перевезти её на материк, выплатить калым, значительно

¹ В научной литературе, в частности в работах А.М. Золотарёва, А.В. Смоляк, Ч.М. Таксами, И. Накамура об айнах, предках ульчей Куйсали и Дуван, сведения имеются, но об их полноте говорить рано.

меньший того, что необходимо было заплатить за невесту на своих территориях [17, с. 171]. Таким образом устанавливались не только культурные, но и тесные родственные связи.

О наличии айнского компонента в этногенезе амурских народов с научной точки зрения впервые заговорил Л.Я. Штернберг (1861—1927). Всё, что связано с этногенезом и культурогенезом айнов, привлекало повышенное внимание учёного. Во время посещения нижеамурских селений он пытался найти айнский след в формировании родов местных аборигенных этносов. Так, согласно его сведениям потомки айнов приняли участие в формировании ульчских, нивхских и нанайских родов. Лев Яковлевич привёл данные о количественном составе айнов по каждому селению на Амуре, причём обязательно упоминал даже те места, откуда пришли их предки: в ульчском селе Булава было 35 чел., пришедших из Дуэ, в нивхском селении Тэбах — около 30 чел. из Косуная. Нашёл он айнов и в Тварво, и в Ахче, и в Кальме. Исследователь упоминает, что в селении Тахта в 1909 г. «стояли ещё 2 юрты бывших рабов», имея в виду тех айнов, которые попали к амурским народам за долги или в качестве приданого айнской невесты.

Л.Я. Штернберг считал, что нижеамурские нивхские роды Арг'он и Ыг'нын ведут своё происхождение от айнов. Учёный писал, что род Ыг'нын, проживавший в с. Тэбах, и Арг'он из с. Ахчи, составляют один род [24, с. 285—288]. При этом он утверждал, что нивхский род имеет и нанайские корни, но проверить это проблематично, так как учёный не оставил подробных ссылок, на основании каких данных он причислил нивхские роды Арг'он и Ыг'нын к айнско-нивхско-нанайским. Информатор П. Тэмина подтвердила, что упомянутые Штернбергом роды нивхов на Амуре жили, но на вопрос, состояли они в родстве с айнами и нанайцами или нет, ответить затруднилась. В настоящее время проследить, живы ли потомки родов Арг'он и Ыг'нын на Нижнем Амуре, довольно сложно, так как во время переписи инородческого населения в 1926 г. в качестве фамилии зачастую записывалось не название рода, а имя главы семьи, и таким образом многие названия родов в официальных документах перестали существовать.

Однако косвенное подтверждение родства нанайцев, нивхов и айнов было найдено в книге Н.Н. Бельды «Сокровища края сильной воды». Автором рассказана легенда, которую он услышал от своего деда. Согласно этой легенде в устье Амура находилось нивхско-айнское селение Ыф-во¹. Оно было смыто цунами (скорее всего, было наводнение, так как цунами на Амуре не бывает). В этом селе жил герой по прозвищу Ыфвонивх, который, спасшись после катастрофы, с несколькими сородичами приплыл к нанайцам селения Подали (г. Амурск). Здесь герой получил новое имя — Эвуэ и позже возглавил народное ополчение против даданей (монголо-татар) [6, с. 13]. Если сюжет этой легенды достоверен, а сейчас

---

¹ С нивхского языка — «Бородатое село»: *ыф* — борода, *во* — селение. Как известно, густые бороды были только у айнов.

уже имеются доказательства, что в основе многих древних легенд лежали имевшие место факты истории, то, возможно, перед нами некое доказательство событий прошлого, в результате которых произошло слияние айнских, нивхских и нанайских родов.

В записках Л.Я. Штернберга содержится информация о том, что не только отдельные представители айнов, но и целые роды, пришедшие «пять поколений назад», переселяясь на берега Амура, находили себе место среди орочей, ульчей, нивхов и нанайцев. В качестве примера Штернберг приводит предание орочей рода Бисанка, потомков которого он встретил на Сахалине [24, с. 408—409]. Это предание в разных вариациях было записано В.К. Арсеньевым (1872—1930), Е.П. Лебедевой, В.А. Аврориним (1907—1977) и В.Г. Ларькиным. Суть его такова. Во время бури к берегам материка в бухту Биз(с)¹ принесло лодку, в которой находилось «семь человек каких-то людей с женщинами». У них появилось родовое имя Бисанка. Затем род разделился, одна часть его ушла на остров Сеочи и образовала род Сеочёнка, вторая выбрала место Асинка и образовала род Асинка, третьи же переместились в Ненгненку и стали Ненгненку². В беседе с В.К. Арсеньевым информаторы подчёркивали, что орочи, которые жили на берегу Татарского пролива к северу от р. Тумнин, были бородатые, что позволило краеведу говорить о примеси у этих людей айнской крови [4]. Позже В.Г. Ларькин (информатор А.И. Сеочёнка) добавил к преданию новые сведения: люди, прибывшие с Сахалина, были кровными родственниками, родными братьями. Старший из них остался жить на Амуре и дал начало нанайскому роду Джаксор, другой поселился в местечке Эхэму залива Де-Кастри, третий и четвёртый остались на острове Сеочё, трое ушли на юг от реки Нельма. И далее он называет роды, в состав которых они влились — Пуджа, Каза и Куинка, причём Куинка — род удэгейский [14, с. 115—116]. Обратившись к работам А.В. Смоляк (1920—2003), признанного авторитета в вопросе формирования родов амурских аборигенов, автор не нашла в них достаточных доказательств, что айны сыграли большую роль в формировании названных орочских родов, как на то указывали полевые материалы Штернберга, Арсеньева, Аврорина и Ларькина. В своих трудах она называет лишь удэгейский род Куинка, имевший айнские корни, соглашаясь тем самым со сведениями Ларькина [21, с. 21].

С установлением советской власти на Дальнем Востоке активизируется и процесс изучения материальной и духовной культуры аборигенов, их количественного состава. В Хабаровский (тогда ещё Приморский) край направляются этнографические экспедиции. Начало экспедиционным исследованиям на территории нынешнего Хабаровского края было положено летом 1926 г., когда на берега Амура из Ленинграда отправляется Гарино-Амгунская экспедиция (официальный руководитель Л.Я. Штернберг). Этнографические исследования велись учениками Льва Яковлевича — Н.К. Каргером (1904—1943) и И.И. Козьминским. Кроме этого,

¹ Сегодня это бухта Фальшивая близ Советской Гавани.

² Няннянку у В.К. Арсеньева.

Н. К. Каргер и представители государственных органов А. Н. Липский (1890—1973) и Г. М. Мевзос приняли непосредственное участие в переписи туземного населения Хабаровского края в 1926 г.

Итоги первой переписи аборигенного населения Амура позволили А. Липскому на Первом туземном съезде ДВО в 1925 г. в своём докладе отметить следующее: «Значительная в прошлом подвижность улча как амурских, так и сахалинских (ороки), институт рабства, который был у этой народности ещё до недавнего прошлого, — всё это способствовало вывозу с Сахалина отдельных представителей айнов, которые оставили после себя след в виде так называемых на месте «куи», которых мы и зарегистрировали в Удане — 24 человека» [8]. В Николаевском-на-Амуре архиве имеется запись о национальном составе деревенского населения Нижне-Амурской области, составленная по данным переписи 1926—1927 гг. В ней приведены цифры, что в Ульчском районе хозяйств айнов — 6, а всего населения — 22 чел.; в Нижне-Амурском районе айнских хозяйств нет, но среди населения этой территории проживает один человек, который считает себя по национальности айном. Таким образом, переписчик приходит к выводу, что айнского населения на Нижнем Амуре всего 23 чел. [9]. В то же время переписчики констатировали, что айны Удана практически потеряли свои этнические признаки, антропологически они в значительной степени «обульчены» и на айнском языке не говорят.

Но следует обратить внимание, что сведения Липского об айнах собраны лишь на территории их компактного проживания и, на наш взгляд, их нельзя считать полными, так как здесь не отражены данные о всех айнских потомках, проживавших тогда на Нижнем Амуре. Кроме этого, следует признать, что записи об этнической принадлежности аборигенов, начиная с церковных метрических книг, грешат ошибками. Так, например, в стойбище Удан по записям за 1906 г. большинство его жителей — гиляки (нивхи), тогда как согласно переписи населения 1897 г. и данным переписи населения 1926 г. в этом селении проживали в основном улчи и айны [10].

Об активных этнических процессах, имевших место на берегах Амура, много написано А. В. Смоляк. Вслед за А. М. Золотарёвым ею были приведены убедительные доказательства, что состав большинства амурских родов сложный, некоторые роды были характерны для нескольких народностей, например, род Куйсали и Дуван — для айнов и улчей, айнов и нижнеамурских нивхов; Куинка — айнов и удэгейцев; Руивн — айнов и сахалинских нивхов и т.д. Однако, если процесс формирования многих улчских родов автор рассматривает очень подробно, то относительно родов, имеющих айнский компонент, она не даёт никаких комментариев и объяснений, ограничиваясь лишь ссылками на записи, выполненные учёными прошлого, такими как Л. Я. Штернберг, А. Брылкин, А. В. Сильницкий, Г. Мевзос и др. Кажется странным, что в её работах нет никаких сведений, полученных от улчей Дуванов и Куйсали, в то время как воспоминания представителей других родов широко представлены в трудах исследователя. А ведь в то время, когда А. В. Смоляк вела свои научные

изыскания на Амуре, были живы и Олонго Дуван, и его сестра Хэйдэкэ, и старики Куйсали, которые могли бы рассказать о формировании отдельных родов, в которых их родственники принимали непосредственное участие. Учёный, опираясь лишь на результаты антропологических исследований Г.Ф. Дебеца, в своих трудах говорит о том, что айнский компонент присутствовал в этногенезе ульчских родов по селениям Булава, Дырен, Када (у озера) и Удан, где проживали роды Дуван и Куйсали, поясняя при этом, что в составе ульчского рода Дуан (Дуван) имелось две ветви — одна связана с айнами Сахалина, а другая — нивхская, что подтверждают их потомки, в частности Т.Б. Матвеева (Дуван) (ульч. ветвь) и В.Г. Дуван (нивх. ветвь) [20, с. 96].

Сегодня можно лишь предположить, что скудные сведения А.В. Смоляк об ульчских родах айнского происхождения были обусловлены чисто политическими причинами. Ведь до 1945 г. Южный Сахалин принадлежал Японии, а в 1946 г. айны покинули остров, и любое упоминание об этой народности в печати было запрещено. Поэтому автор ограничился только теми данными, которые были ранее опубликованы в научных трудах других учёных, возможно, какие-то записи сохранились в архиве А.В. Смоляк в Москве, и только таким образом можно с полной достоверностью восстановить картину прошлого.

Несмотря на то что Л.Я. Штернберг упоминал названия мест, откуда пришли айны, точно неизвестно, идёт ли речь в его записях о предках тех людей, в частности Куйсали и Дуванов, чьи потомки сегодня живут в Ульчском районе. Дело в том, что у айнов не было родовых фамилий, как у тунгусо-маньчжуров Амура, и название родов Дуван и Куйсали являются этнографическими. Название рода Куйсали произошло от нивхского «куи», или «куги», так нивхи называли айнов. Что касается фамилии Дуван, то в полевых записях Ч.М. Таксами по этому поводу зафиксировано воспоминание Олонго Дувана, сына айна, которого ульчи называли Синоно (Семён). О. Дуван рассказал, что их род, перейдя на материк в районе Де-Кастри, поселился в местности Дуан. Затем эти люди перешли в нивхское селение Кади, а затем переехали в Булаву. Ч.М. Таксами, ссылаясь на слова своего 90-летнего информатора, сообщает, что айны Дуваны произошли из рода Чайсал и до своего переселения на Амур жили в Истури на Сахалине¹. Но между родичами произошла ссора, часть из них ушла в верховья Амура и поселилась в селении Карга, причислив себя к нанайцам. «Айны же Чайсолы (орфография Таксами. — М. О.), жившие в селении Кади, стали Дуванами только в 30-е годы, во время паспортизации и переписи населения» [22, с. 213].

Потомки О. Дувана, к сожалению, не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть данную информацию. Его правнучка Т.Б. Матвеева (Дуван) подтвердила лишь то, что на Амур пришли три брата и две сестры. Она предположила, что, возможно, братья и сёстры были не родными, а двоюродными или даже троюродными, а такое родство у аборигенов

---

¹ В то время как у Штернберга — это Дуэ и Косунай.

считается близким. Татьяна Борисовна рассказала также легенду семьи: их предки, перешедшие Амур в районе мыса Сущёва, получили своё родовое имя Дуан (Дуван) от горы, которая находилась не на материке, о чём упомянул Ч. М. Таксами, а на Сахалине. Прожив какое-то время возле Де-Кастри, Дуваны спустились на плотах по реке, где люди рода Ольча из селения Булава баграми подтянули их плоты к берегу. С тех пор род Ольча *духа* (близкие) роду Дуван. Дуваны, потомки айнов, до сих пор живут в Булаве.

Но здесь возникает вопрос о роде Чайсал, действительно ли он был айнским или же имел только айнские корни? Если о трёх айнских родах, проживающих сегодня в Ульчском районе, хоть что-то известно, имеются даже составленные генеалогические древа [17, с. 186—189], то о роде Чайсал и родстве их с айнами в этнографической литературе можно найти довольно противоречивые сведения.

Первые упоминания об айнах-Чайсалах относятся к 1931 г., когда в журнале «Советский Север» Н. К. Каргер опубликовал статью о том, что айны (жители Удана) сами себя называли *тэйсхэ* по названию горы на Сахалине, возле которой они жили. Сама же гора якобы располагалась напротив Советской Гавани, первоначальном месте жительства пришедших с острова айнов [13, с. 125]. Можно предположить, что в результате изменений на фонологическом уровне слово *тэйсхэ* при произнесении его тунгусо-маньчжурами слышалось как *чайсал*, или *чайсол*, и, в свою очередь, могло дать название целому роду. Однако, если обратиться к этимологии слова, то в нём различимы два компонента — основа *чай*, которая характерна не для айнского, а для нивхского языка, и суффикс южной группы тунгусо-маньчжурских языков *сал*. Д. М. Берелтуева, специалист по эвенкийскому языку, пояснила, что суффикс *сал* является собирательным, обозначающим множественное число принадлежащих к одному роду людей. По мнению же нанайского писателя и краеведа К. М. Бельды, суффикс *сал* в родовом названии обозначал людей, «...живущих в данной местности» [5, с. 26]. На материке, в низовьях Амура, местности или населённого пункта, в названии которого была бы основа *чай*, нет, тогда как на Сахалине находилось нивхское селение с названием *Чай-во*. Отсюда возможно предположение, что некий род, представители которого рассказали Каргеру о местности, в названии которой отмечена основа *чай*, действительно пришёл с Сахалина, и уже на Амуре эти люди получили родовое название *Чайсал*, но были они айнами или нивхами и имели ли какое-либо отношение к роду Дуван, неизвестно. Это предмет для дальнейших поисков не только на Амуре, но и на Сахалине.

О родах *Чайсар* и *Чайсал* упоминается и в переписи С. Патканова: *Чайсаров* из с. Сидахи в количестве 18 мужчин и 11 женщин и *Чайсалов* из Дырена в количестве 8 мужчин и 8 женщин он отнёс к ульчам на том основании, что среди нанайских родов таких названий не было [18, с. 967]. Род *Чайсал* фигурирует и в переписных листах переписи населения 1926 г. Г. Мевзос тоже определил род *Чайсал* как ульчский. А. В. Смоляк, опираясь на результаты своих полевых исследований, считает этот род «про-

межуточным» нанайско-ульчским¹, несмотря на то что, по её словам, она не нашла такого нанайского рода в таблице расселения нанайских родов Хабаровского округа за 1897 г. В то же время учёный отмечает, что этническое определение рода Чайсал было «затруднительным», да и название совершенно не характерно для нанайских родов, оно скорее нивхское, тем более что в церковной метрической книге за 1915 г. имеется запись о смерти не нанайца, а нивха Чайсала: «...гиляка стойбища Каргов, Софийского прихода Иоанна Косьмина Чайсала, лет умершему 20» [11].

В записях Л. Я. Штернберга есть упоминание о сведениях, полученных им от представителей нанайского рода Бельды группы Ойтанкан, утверждавших, что их предками были айны, пришедшие с Сахалина. Они рассказали, что в прошлом этот род был тесно связан с каргинскими Чайсалами. По более поздним данным А. Н. Липского, в селении Карга(и) (Ульчский район) проживало 39 чел. Смоляк подвергла сомнению эти воспоминания, сославшись на отсутствие у Чайсалов каких-либо сведений о переселении рода с Сахалина и родственных связях с Бельды.

Действительно, прямых доказательств родственных связей Бельды с Чайсалами нет, но имеются косвенные. Так, в архивных материалах 1936 г. Н. А. Липской-Вальронд привлекает внимание страница, где в 1931 г. этнографом (со слов Нэмэ Чайсал из селения Онай) зафиксированы сведения о Чайсалах. Информатор сообщила исследователю, что род Чайсал жил на оз. Эри, отсюда «в Сидэхи откочевал, в Онай откочевал». И далее Н. А. Липская даёт пояснения, из которых узнаём, что отец Нэмэ родился в селении Хэвэн-Дадуни, недалеко от оз. Хэвэн-Дани. Именно там, со слов учёного, находилась первая стоянка Чайсалов [3]. Проживали они и в том месте, где впоследствии была основана русская деревня «Максим Горький», что совсем недалеко от с. Карги. В этих воспоминаниях есть указание на место жительства рода возле озера Эри. И уже в XXI в. вновь всплывает предание рода Бельды из уст его представителя К. М. Бельды, в своё время подвергнутое сомнению Штернбергом и Смоляк. Константин Мактович повествует о том, что на берегах озера Орёл, название которого по-нанайски звучит как *Эри*, жили хэдзэни (нынешние нанайцы) Бельды. Две семьи этого рода сменили место жительства, отправившись в верховья Амура. Те, чья лодка шла первой, остановились недалеко от места, где сейчас находится с. Малмыж, чтобы подождать отставших сородичей, но, не дождавшись, оставили на берегу специальный знак, в какую протоку необходимо свернуть. Но вешка изменила положение, и вторая лодка пошла по другой протоке. Люди из этой лодки выбрали место, отмеченное обилием рыбы *ойктахани*, что в переводе с нанайского означает «рыба поднялась на поверхность воды». Со временем стойбище, где остановились Бельды, получило название Ойта, а его жители стали называть себя *Ойтанкасал* [5].

Как видно, на оз. Эри жили и род Чайсал, и род Ойтанкасал, причём в названиях двух родов присутствует объединяющий их суффикс *сал*, т.е.

¹ К такому выводу она пришла на том основании, что Чайсалы были связаны с ульчами Булавы брачными отношениями.

родственные связи двух родов вполне возможны. Если же сопоставить сведения Н. Каргера, Н.А. Липской-Вальронд, воспоминания О. Дувана, то можно предположить, что нанайско-ульчский род Чайсал (согласно Смоляк) мог всё-таки иметь ульчско-айнские корни и войти в состав нанайского рода Бельды. Пролить свет на свою родословную могли бы потомки Чайсалов, тем более что следы этого рода обнаружались в похозяйственных книгах с. Кондон Солнечного района. К сожалению, в муниципальном архиве имеются только документы, относящиеся к послевоенному периоду. Самая ранняя запись о Чайсалах появляется лишь в книге, датированной 1958 г. На тот момент в с. Кондон проживали 4 члена семьи Чайсал, глава семьи Чайсал Константин Кузьмич (1915 г.р.), его жена Альчека Надежда Ивановна (1926 г.р.) и два сына — Владимир и Александр, этническая принадлежность которых — нанайцы. Всего в семье было пятеро детей [20]. Но сегодня в Кондоне никого из семьи Чайсалов не осталось. Согласно архивным сведениям родители умерли, а дети разъехались по краю — живут в Комсомольске-на-Амуре, Советской Гавани, Харпичане, Облучье. Проживают ли потомки рода в этих населённых пунктах, пока неизвестно.

В результате полевых исследований, проводимых на Нижнем Амуре в 2008—2010 гг., среди ульчей и орочей были обнаружены потомки тех айнов, которые прибыли на материк самостоятельно и в исследованиях этнографов не упоминались. Так, например, Елена У рассказала романтическую историю своей прабабушки-айнки, которая, влюбившись в удачливого охотника Чокто Дятала, прибывшего с берегов Амура на Сахалин на промысел, последовала за ним, преодолев в одиночку реку. По-видимому, именно эта история легла в основу рассказа ульчского писателя А.Л. Вальдю «Подвиг айнки», хотя некоторые события, изложенные в повествовании, расходятся с теми, которые остались в памяти Елены и её родственников. Нынешние потомки бесстрашной женщины живут в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и даже на Сахалине. На Международном фестивале КМНС края «Живая нить времён», проходившем в 2008 г., на стенде аборигенов Советскогаванского района автор статьи обратила внимание на вещь, орнаментальная композиция которой напоминала узоры айнов Хоккайдо. Выяснилось, что у хозяйки этой вещи Тайисы Ефимовны Копинка отец — сахалинский айн и отсюда айнское влияние.

Таким образом, мы можем констатировать факт, что, казалось бы, вопрос этногенеза и формирования родов амурских дальневосточных народов можно считать вполне решённым, но появляются всё новые сведения, уточняющие и дополняющие выводы, сделанные учёными прошлых лет. Не изученными до сих пор остаются связи нижеамурских нивхов и айнов. Последние сведения о них можно встретить у А.В. Смоляк, лишь цитирующей Л.Я. Штернберга. Нет ничего кроме упоминаний об айнско-удэгейских и айнско-орочских родах.

Несмотря на то что в переписи населения за 2002 г. на территории Хабаровского края людей, идентифицировавших себя как айны, нет, потомки этого народа проживают и в Ульчском, и в Николаевском районах, и в самом Хабаровске. Они знают, что их предки — айны Сахалина,

Курил и даже Хоккайдо. В настоящее время живут айны, которые узаконили свою национальную принадлежность и организовали родовую общину [1, с. 14].

Исследования этногенетических связей аборигенных народов до сих пор играют важную роль, они помогают открывать новые страницы в этнической истории, этногенезе и культуругенезе коренных народов, населяющих сопредельные территории.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Айну хотят узаконить свою национальность // Багульник на ветру. 2008. № 22.
2. Арутюнов С.А. Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна // СЭ.1964. № 4. С. 68—75.
3. Архив МАЭ (Кунсткамера). Ф. 5 (Н.А. Липской-Вальронд). Оп. 5. Д. 11. Л. 446.
4. Архив ХКМ (Хабар. краевед. музей). Оп. 1. Д. 769. Л. 66—67.
5. Бельды К.М. Водоворот: Тайны древнего Амура. Хабаровск, 2005. 136 с.
6. Бельды Н.Н. Сокровища края сильной воды: нанайские мифы, легенды, стихи, орнаментально-декоративное творчество. Хабаровск, 2009. 112 с.
7. Бошняк Н.К. Экспедиции в Приамурском крае // Морской сборник. 1859. Т. 39, № 1. С. 111—139.
8. ГАХК (Гос. арх. Хабар. края). Первый туземный съезд ДВО: Протоколы съезда с вводной статьёй А. Липского. Хабаровск, 1925. Л. 39.
9. ГАХК (Филиал в г. Николаевске-на-Амуре). Ф. 12. Оп. 1. Д. 47.
10. ГАХК. Ф. И-85. Оп. 44. Д. 403. Л. 117—118.
11. ГАХК. Ф. И-85. Оп. 44. Д. 403. Л. 325.
12. Дебец Г.Ф. Ульчи // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 63—74.
13. Каргер Н.К. Родовой состав ульчей // Советский Север. 1931. № 5. С. 120—125.
14. Ларькин В.Г. Орочи: (ист.-этногр. очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 175 с.
15. Левин М.Г. Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // КСИЭ. М.; Л. 1949. Вып. 5. С. 19—31.
16. Маак Р. Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского географического общества в 1855 г. СПб., 1859. 320 с.
17. Осипова М.В. Айны острова Сахалин: традиции и повседневность. Хабаровск: Риотип, 2008. 192 с.
18. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 3. 1004 с.
19. Сектор по делам архивов Администрации Солнечного муниципального района. Ф. 9, Оп. 1, Д. 61. Л. 35; Ф. 9, Оп. 3, Д. 231. Л. 92—94; Ф. 9, Оп. 3, Д. 8. Л. 56.
20. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975. 231 с.
21. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука. 2001. 320 с.
22. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л.: Наука, 1975. 238 с.
23. Трофимова Т.А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 88—99.
24. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 739 с.
25. Mamiya Rinzō. 北蝦夷圖繪 = Мамия Риндзо. Описание Северного Эдзо [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/EastAsian.Zusetsu> (дата обращения: 25.01.2010).